

УДК 911.3

Демидова Е. Е.

**«Девииантное» страноведение:
постановка проблемы, примеры
исследований**

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва
e-mail: geoscandi@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен подход к общественным девиациям как важным «проблемно-страноведческим» характеристикам. Рассматриваются традиционные концепции отечественной школы научного страноведения (комплексное страноведение Н. Н. Баранского и проблемное страноведение В. М. Гохмана и Я. Г. Машибица); обозначается специфика современного страноведения в условиях высокого уровня информатизации. В рамках проблемно-ориентированного подхода предлагается рассмотрение особенностей «девиантного портрета» стран и регионов. На примере Австралии демонстрируется, насколько изучение общественных девиаций в контексте научного страноведения корректирует традиционный взгляд на особенности развития страны.

Ключевые слова: комплексное страноведение, проблемное страноведение, девиантные общественные явления, негативные девиации, социальные аддикции, Австралия.

Введение

В системе географических наук особое место занимает страноведение. Сложно найти иное направление географической мысли, которое было бы сопряжено с таким количеством «открытых», дискуссионных вопросов. Для одних страноведение – это вчерашний день географии, относящийся к самому романтическому периоду ее истории – открытию новых земель, и закончившийся вместе с исчезновением «белых пятен» на карте мира. Для других – это сама «соль» географии, высший синтез географических и смежных наук при изучении территории. На одном «полюсе» понимания страноведению отказывают даже в статусе научной дисциплины, называя его лишь формой компиляции физико-географической, социальной, экономической информации, на другом – отводят ключевую роль в географии, называя страноведение ядром географических знаний или, как образно высказывался основатель отечественной школы научного страноведения Н. Н. Баранский, «куполом» над географией.

В XXI веке научное страноведение сталкивается с новыми вызовами, одним из которых является сверхинформирование, обуславливающее фактологическую перегруженность научных исследований в ущерб качественным суждениям. И здесь важную роль играет смещение фокуса комплексного страноведения в сторону проблемно-ориентированного подхода. Среди множества проблем общественного развития особый интерес для социогеографов представляют общественные девиации как важнейшие индикаторы состояния общества.

Материалы и методы

Само понятие страноведение в буквальном значении ведение, знание страны, помимо восточнославянских языков (кроме русского, это украинское «країнознавство», белорусское «краіназнаўства»), существует лишь в немецком языке («Landeskunde») [1, с. 245]. Примечательно, что именно немецкая школа «описательного государственоведения» или, иными словами, «камеральной статистики» (от немецкого «Kammer» – дом) германских университетов XVII–XVIII вв. стала истоком современного, в том числе и отечественного, страноведения. В отличие от периода Великих географических открытий, когда страноведение отождествлялось с географией в целом и являлось источником получения разнообразных сведений об условиях и особенностях развития далеких и близких стран (их природе, народонаселении, культуре и т. д.), камеральная статистика служила, в первую очередь, административным целям – управлению государством¹. И несмотря на многовековую историю развития страноведческой мысли, отраженной, в том числе, и в существовании различных научных течений (комплексного, проблемного, эволюционного и др.), страноведение, зачастую, по сей день воспринимается как некий «паспорт» страны, куда в обязательном порядке должны быть вписаны ее основные формальные характеристики: площадь территории, административно-территориальное деление, численность населения, объем и отраслевая структура ВВП и другие многочисленные данные.

При этом, если исходить из понимания страноведения как дисциплины, занимающейся комплексным изучением территорий, систематизирующей и обобщающей разнородные данные о природе, населении, хозяйстве, культуре, особенностях исторического развития и др., подобный «паспортный» подход несостоятелен. Он не отвечает главному требованию – созданию единой характеристики страны (региона, района), отражающей сложную внутреннюю структуру и систему взаимосвязей слагающих ее компонентов. Перегруженность разнородным фактическим материалом, без попытки объяснить внутреннюю логику страны, стала настоящим бичом современной информационной эпохи.

Проблема «описания без объяснения» данных отнюдь не нова. Еще в 1920-е годы Н. Н. Баранский, вступая в научную дискуссию с приверженцами господствующей в то время отраслево-статистической школы В. Э. Дена, называл географические тексты, переполненные фактами и цифрами, «кашей с гвоздями», а впоследствии – «тяжелым кошмаром». Уже в 1990-е годы выдающийся экономико-географ, один из теоретиков страноведения Н. С. Мироненко описывал подобную ситуацию с помощью не менее ярких метафор: когда в страноведческих исследованиях много деталей, исследователь «теряет лес за отдельными деревьями» и «пристывает к изучению отдельных листьев», что «затемняет общую картину строения страны» [2].

Но поистине гигантских масштабов фактологическая перегруженность достигла в наше время в связи с широким распространением Интернета и разнообразных электронных устройств. Информации стало пугающе много, она оказалась общедоступна. Ответом на этот вызов информатизации стала так

---

¹ Так, учащиеся университетов, намеревающиеся посвятить себя государственной службе, должны были заучивать многочисленные сведения о странах и городах.

называемая *клиповая культура*², в том числе и научная. А в случае страноведения можно говорить о распространении «клипового страноведения». Его особенностью стало фрагментарно-мозаичное несистемное представление о стране при наличии огромного массива первичной фактологической информации. И в этой ситуации свое второе рождение переживает проблемное (проблемно-ориентированное) страноведение.

Идея «проблемного страноведения» была предложена в 1970-е годы яркими представителями научной школы Института географии Академии наук СССР В. М. Гохманом и Я. Г. Машбицем как дополнение к описательному страноведению. Суть данной концепции заключалась в «переходе от универсальных и всеохватных покомпонентных характеристик к анализу ключевых и специфических проблем территории. Прежде всего тех из них, которые определяют наиболее важные стороны природопользования, социально-экономического и этнокультурного развития. В таких характеристиках более выразительно представлен облик территорий» [2, с. 71]. Подобный подход смог не только изменить фабулу традиционного страноведения своего времени, но и, спустя почти полвека, дать современным исследователям действенный инструмент для проведения страноведческих исследований в условиях сверхинформирования и стать настоящим спасательным кругом для тонущих в информационном море.

Важно отметить, что в трактовке авторов концепции термины «проблема», «проблемный» не имеют только лишь негативную окраску, а исходят из философского понимания проблемы как объективно возникающего в ходе развития познания вопроса (комплекса вопросов), решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес. Именно поэтому проблемное страноведение не ограничивается описанием только лишь трудностей развития территории, хотя, безусловно, и не исключает их.

Таким образом, как указывают авторы концепции, ключевые вопросы (проблемы) могут быть рассмотрены с позиций: 1) масштаба «проблемности», т. е. охвата стран (от проблем, имеющих важное значение при изучении практически всех стран и регионов до преимущественно индивидуальных); 2) тематики «проблемности» (характер ресурсообеспеченности и природопользования; особенности освоения территории; особенности народонаселения, этапы формирования и своеобразие хозяйственной специализации и др.).

Среди широкого спектра вопросов, которые актуальны для всех без исключения стран мира, независимо от уровня их социально-экономического развития, и оказывают непосредственное воздействие на все аспекты жизни общества, но при этом редко становятся предметом изучения географов, следует выделить общественные девиации.

---

² Клиповая культура – русскоязычный вариант англоязычного термина «blip culture» (англ. blip – изображение на экране радара), впервые предложенного американским социологом, футурологом Элвином Тоффлером (Alvin Toffler) для обозначения культуры информационного общества, имеющей дело с большим массивом «блипов» информации (коротких сообщений, команд, заголовков и т. п.), которые не поддаются классификации и не образуют систему. В отечественной науке философом Ф. И. Гиренком предложена и разработана концепция клипового общественного сознания, отражением которой становится клиповая культура.

Результаты и обсуждение

Страна сквозь призму общественных девиаций

Понятие «девиация» (от латинского «*deviatio*» – отклонение) в самом общем смысле означает отклонение от нормы. Понятие девиации как отклонения встречается в ряде научных и технических дисциплин. В системе социологических наук под **девиациями** понимаются некие *устойчивые во времени и пространстве социально-значимые общественные явления, не соответствующие сложившимся в данном обществе нормам (ожиданиям)*. К их числу традиционно относят негативные социальные явления, такие как:

- преступность, включая преступления против личности (преднамеренное убийство, нанесение телесных повреждений, торговля людьми, человеческими органами, похищение людей, захват заложников), общественного порядка, чести и достоинства граждан, имущественные преступления (кражи, разбои, грабежи), экологические преступления;
- суицид (самоубийство);
- коррупция (в т. ч. взяточничество, присвоение, растрата);
- терроризм, похищение людей, захват заложников;
- наркотизм³, социальные аддикции⁴ (наркомания, алкоголизм, игромания (гемблинг)) [3].

Отдельного упоминания требует такой тип общественных девиаций, как организованная преступность, которая включает в себя целый комплекс девиантных проявлений.

Изучение девиаций и девиантности в страноведении позволяет сменить фокус традиционного взгляда на страну, по-другому взглянуть на, казалось бы, устоявшиеся и ставшие классическими характеристики стран.

Case-study. Страноведение Австралии

В общественном сознании сложился устойчивый образ Австралии как позитивного, солнечного «Зеленого континента» – одной из наиболее высокоразвитых, успешных и счастливых стран мира. Действительно, Австралия обладает внушительных размеров территорией (по площади которой занимает 6-е место в мире), богатой разнообразными природными ресурсами (в первую очередь, топливными (каменный уголь, нефть и природный газ) и рудными (железные, урановые, свинцовые, медные руды, бокситы, золото и др.)).

Как страна так называемого переселенческого капитализма, Австралия, «перемахнув» феодальный период, вместе с колонизацией получила весьма мощный импульс для последующего развития, а природные богатства позволили укрепить экономическое положение не только на уровне Тихоокеанского региона, но и на международной арене. Современная Австралия – это высокоразвитая постиндустриальная страна, с мощной индустриально-аграрной базой и активно развивающимися передовыми отраслями производственного (электроника,

---

³ Наркотизм – сложное социальное явление, включающее комплекс явлений и процессов, связанных с изготовлением, транспортировкой, хранением, распространением наркотиков и, собственно, зависимостью от них (наркоманией).

⁴ Аддикция – от англ. *addiction*, зависимость, пагубная привычка.

информационные и телекоммуникационные технологии, биотехнологии) и непроизводственного секторов.

По общему объему ВВП Австралия традиционно входит в 20-ку самых богатых стран мира (1,3 трлн долл. США⁵). По уровню ВВП на душу населения относится к наиболее обеспеченным странам (49,9 тыс. долл. США). Наконец, самое главное – на что указывал еще Н. Н. Баранский своим вошедшим в анналы истории географии восклицанием «Человека забыли!» – это люди. При относительно невысокой численности населения (чуть более 24 млн чел.), Австралия, безусловно, может похвастаться его «качеством». В 2017 г. по уровню человеческого развития Австралия занимает 2-е место в мире (после Норвегии) из более чем 120 стран, входящих в исследование «Индекс человеческого развития» (Human Development Index) Программы развития ООН [4]. Заметим, что этот показатель практически не менялся с момента начала проведения данного исследования (1990 г.). Возможно, потому и не удивителен факт, что в рейтинге самых счастливых стран мира (по данным Международного доклада о счастье (World Happiness Report) Австралия занимает почетное 11-е место [5].

Взглянуть на Австралию с иной стороны позволяет рассмотрение наиболее ярких составляющих⁶ ее «девиантного портрета». Ведь именно в форме общественных девиаций выражаются особые (зачастую протестные) настроения социума, и в этом случае девиантные отношения становятся важнейшими индикаторами состояния общества, превращаясь в значимую проблемно-страноведческую характеристику.

«Девиянтное» страноведение Австралии

Безусловной и наивысшей ценностью является человеческая жизнь. Именно поэтому негативные социальные явления, несущие угрозу человеческой жизни и/или прерывающие ее, относятся к числу наиболее опасных для общества. Таковыми являются два полярных, с первого взгляда, феномена: преднамеренные убийства и самоубийства.

Ежегодно в мире совершается около 470 тысяч убийств и свыше 800 тыс. самоубийств [6; 7]. При этом среднемировой уровень убийств на 100 тыс. жителей планеты составляет 6–7 чел., а среднемировой уровень суицида – 10–11 чел. Для Австралии характерен один из самых низких уровней убийств в мире – 0,98 на 100 тыс. жителей страны (179 место наряду с такими странами, как Португалия, Марокко, Дания и Мальта.). В Австралии практически полностью отсутствуют массовые убийства, ставшие социальной катастрофой, например, для США⁷.

Характерно, что прямо противоположным образом складывается ситуация в отношении суицида. Самоубийство – главная причина смерти австралийцев в возрасте от 15 до 44 лет. По числу самоубийств (10,6 на 100 тыс. чел.) Австралия,

---

⁵ Здесь и далее, если не указано иное, статистические данные приведены на 2017 г.

⁶ В данной статье рассмотрены лишь те виды девиаций, которые наиболее ярко отражают девиантно-страноведческую специфику Австралии. Отказ от рассмотрения статистики преступлений (кроме самых тяжких – убийств) обусловлен тем, что высокий уровень зафиксированных преступлений чаще всего свидетельствует отнюдь не о высоком уровне преступности как таковой, а о высокой эффективности работы правоохранительных органов.

⁷ Так, последний инцидент подобного рода был зафиксирован в 1996 г. в Тасмании, где жертвами стали 35 человек.

наряду с Канадой, занимает 87 место в мире, будучи в одной группе с такими странами, как Куба, Мали, Намибия и Туркмения. Во второй половине 2010-х годов в Австралии фиксируется всплеск суицида и суицидальных настроений. Ежедневно в стране совершается около 8 самоубийств⁸, причем большая часть – мужчинами (в среднем уровень самоубийств среди мужчин в 3 раза больше, чем среди женщин). Одной из причин роста суицидальности исследователи называют психологические проблемы⁹, связанные с одиночеством, являющимся прямым следствием атомизации общества. Кроме того, суицид Австралии имеет ярко выраженную национальную окраску: самые высокие показатели характерны для аборигенов (более чем в 2 раза выше, чем для белого населения). Этим фактом объясняется и региональные особенности распространения самоубийств: наивысшие показатели отмечаются в Северной Территории и Тасмании, которые характеризуются и самой высокой долей коренного населения. Во многом это связано с положением аборигенов Австралии как самой отстающей и угнетенной группы населения с низким уровнем жизни, отсутствием образования, высоким уровнем безработицы, недостаточным медицинским обслуживанием и широко распространённой алкогольной зависимостью.

Социальные аддикции играют весьма значительную роль в жизни австралийского общества. Гастрономическая культура Австралии тесно связана с высоким потреблением алкоголя: страна является одним из ведущих производителей вина в мире. Австралия традиционно входит в 20-ку стран с наиболее высоким уровнем потребления чистого спирта на душу населения (1–13 л в год (2015–2016), 2-е место среди стран ОЭСР после Чехии с показателем 13 л). Несмотря на то, что большая часть приходится не на крепкие спиртные напитки (преимущественно, пиво и вино), около 17 % взрослого населения употребляет алкоголь в количествах, представляющих значительный риск для здоровья. Особо острую проблему алкоголизация представляет для коренных народов Австралии вследствие их генетических особенностей и специфики образа жизни.

Но наиболее опасным видом аддикций в Австралии считается употребление наркотических средств [8]. Так, в 2016 г. свыше 3,1 млн австралийцев заявили об употреблении запрещенных веществ и злоупотреблении лекарственными препаратами. Наибольшее распространение в 2010-х годах получили каннабис (марихуана), кокаин и синтетические и полусинтетические наркотики амфетаминового ряда. Основную часть каннабиса и кокаина Австралия получает из Гонконга, США, Бразилии, Чили, ОАЭ, опиоиды – из Афганистана. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, Австралия – один из мировых лидеров по потреблению метамfetамина. В конце XX в. активное производство метамfetамина в Австралии стало ответом общества на ужесточение законодательства в отношении употребления опиатов. Регионами, характеризующимися высоким потреблением наркотических средств, являются штаты восточного побережья страны (Квинсленд, Новый Южный Уэльс и Виктория), преимущественно из-за того, что именно здесь находятся крупнейшие города страны – главные рынки сбыта наркотической продукции.

---

⁸ На каждый случай самоубийства приходится 30 неудавшихся попыток.

⁹ Этот факт косвенно подтверждают данные о почти двукратном росте потребления антидепрессантов австралийцами за последние 10 лет.

Весьма показательна ситуация, сложившаяся в Австралии относительно еще одного вида социальной аддикции – игромании [9]. Азартные игры разрешены в этой стране законодательно. Вследствие этого игорный бизнес в Австралии получил широкое распространение. В стране действуют многочисленные казино (крупнейшие – в Мельбурне и Сиднее), а также сети развлекательных учреждений с игорным уклоном. По данным национальной статистики, около 80 % австралийцев регулярно играют в азартные игры. Потому не удивителен тот факт, что Австралия занимает 1-е место в мире по потерям денежных средств на азартные игры (около 1,3 тыс. долл. США на играющего), при том, что траты на азартные игры среди бедных слоев населения значительно превышают таковые среди богатых (в среднем, 3 тыс. долл. и 130 долл. соответственно). Выигрыш не облагается налогами, напротив, довольно высокие налоги взимаются с игорных заведений, часть которых, как ни парадоксально это звучит, идет на лечение зависимых от азартных игр. В целом, признавая проблему гемблинга, правительства штатов Австралии принимает ряд мер по снижению воздействия индустрии азартных игр на жизнь населения (в частности, ограничивает открытие новых казино в ряде штатов).

Таким образом, представление, даже весьма поверхностное, об особенностях распространения отдельных видов социальных девиаций в Австралии вносит существенные корректировки в типичное понимание и восприятие этой страны. Страны, где люди, по разным причинам и разнообразными способами (от увлечения азартными играми до самого крайнего варианты – суицида), стараются убежать от действительности, которая казалась почти идеальной. И на этом этапе резко обозначается вопрос: «Почему?», ответ на который отнюдь не лежит на поверхности и может стать основой для дальнейшего страноведческого исследования.

Выводы

Изучение структуры общественных девиаций и особенностей их территориального распространения в странах и регионах мира предоставляет уникальный материал для страноведческих исследований. Меняя фокус с традиционных страновых характеристик на отклоняющиеся (девиантные), мы распахиваем перед страноведением иные горизонты, даем возможность совершать «новые географические открытия». И каждое такое «открытие» становится стимулом для дальнейшего изучения того, что, казалось бы, уже давно знакомо и известно. Особое «девиантное» страноведение становится тем направлением, которое позволяет изучать макрорегионы мира, страны и их районы с позиций распространения девиантных общественных явлений и процессов в тесной взаимосвязи с социальными, экономическими, культурными аспектами жизни общества.

Литература

1. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
2. Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. 238 с.

3. Демидова Е. Е. Негативные социальные девиации: экономико-географический подход к анализу проблемы // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 5. С. 32–42.
4. Human Development Reports. Australia [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: hdr.undp.org/en/countries/profiles/AUS
5. World Happiness Report [Электронный ресурс]. Режим доступа: worldhappiness.report/ed/2017/
6. Демидова (Чиркова) Е. Е. Сравнительный анализ региональных особенностей распространения убийств и самоубийств в современном мире // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна: материалы XXVIII Международной Балтийской криминологической конференции: в 2 ч. Часть 1. СПб: ИД «Алеф-Пресс», 2015. С. 122–127.
7. Crime Statistics Australia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.crimestats.aic.gov.au/>
8. World Drug Report [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.unodc.org/wdr2017/index.html
9. Australian Gambling Statistics [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.qgso.qld.gov.au/products/reports/aus-gambling-stats/>

Demidova E. E.

Regional geography of deviance: problem definition, selected researches

---

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation,
Moscow
e-mail: geoscandi@mail.ru

Abstract. *This article introduces an approach towards social deviations as important problematic country specific data. Traditional concepts of national school of scientific regional geography (complex regional geography by N. N. Baranovsky and problematic regional geography by V. M. Gokhman and Ya. G. Mashbitz) are regarded, specifics of contemporary regional geography in the age of high informatization level are outlined. Within a framework of problematic-oriented approach, a review of specifics of country and regional “portrait of a deviation” is provided. Using Australia as an example, it is demonstrated to what extent study of social deviations in a context of scientific regional geography adjusts traditional focus on specifics of a country development.*

Keywords: *regional geography, deviant social phenomena, negative deviations, social addictions, Australia.*

References

1. Social'no-ehkonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy Slovar'-spravochnik. Otv. red. A. P. Gorkin. Smolensk: Ojkumena, 2013. 328 s. (in Russian).
2. Mashbic YA. G. Kompleksnoe stranovedenie. Smolensk: Izd-vo SGU, 1998. 238 s. (in Russian).
3. Demidova E. E. Negativnye social'nye deviacii: ehkonomiko-geograficheskij podhod k analizu problemy/ Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2017. №5. S. 32-42 (in Russian).

4. Human Development Reports. Australia [Электронный ресурс]. URL: hdr.undp.org/en/countries/profiles/AUS (in English).
5. World Happiness Report [Электронный ресурс]. URL: worldhappiness.report/ed/2017/ (in English).
6. Demidova (Chirkova) E.E. Sravnitel'nyj analiz regional'nyh osobennostej rasprostraneniya ubijstv i samoubijstv v sovremennom mire// Prestupnost' i social'nyj kontrol' v obshchestve postmoderna: materialy XXVIII Mezhdunarodnoj Baltijskoj kriminologicheskoy konferencii: v 2 ch. CHast' 1. SPb: ID «Alef-Press», 2015. – s. 122-127 (in Russian).
7. Crime Statistics Australia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.crimestats.aic.gov.au/> (in English).
8. World Drug Report [Электронный ресурс]. URL: www.unodc.org/wdr2017/index.html (in English).
9. Australian Gambling Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.qgso.qld.gov.au/products/reports/aus-gambling-stats/> (in English).

Поступила в редакцию 05.06.2018 г.